

054

AP. DIV.
MERIDING

ПОСЪЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

— — — — —

DUPLICATE EXCHANGE, LIBRARY OF CONGRESS

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

1-21

НОСѢЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,

въ 1845 году.

И. Березина.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,

1854.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Пресы, 1864, № 4 и 5).

ПОСѢЩЕНІЕ

**ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ, ВО
ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ**

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,

въ 1845 году.

Тому, кто не видалъ Южныхъ городовъ Европы, Неаполя или Лиссабона, трудно составить себѣ понятіе о Константинополѣ; но даже и тѣ, которые имѣли случай любоваться Лиссабономъ, бываютъ поражены панорамой Оттоманской столицы, при вѣздѣ съ Мраморнаго моря, откуда Царьградъ является во всемъ великолѣпіи и красо-

тъ, съ многочисленными предмѣстіями—маленькими Стамбулами, не уступающими главному въ изяществѣ и разнообразіи видовъ. Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ привелось вступить въ столицу Константина Великаго черезъ Дарданеллы, на пароходѣ, плавающемъ между Смирною и Царемградомъ, а не черезъ Босфоръ, откуда картина Константинополя представляется по частямъ, съ невыгодною постепенностію.

Довольно лѣтъ прешло уже съ тѣхъ поръ, какъ раздалось на этомъ пароходѣ общее восклицаніе: «вотъ онъ, Константинополь! вотъ острова Принцевы, вотъ и Ая-Софія!» но еще и до сихъ поръ я не забылъ того торжественнаго мгновенія. Лѣтній разсвѣтъ только-что начинался, слона морскаго только-что возставало лучезарное свѣтило, медленно разсѣвавшее утренніе туманы, какъ передъ нами явилась земля въ видѣ вулканическихъ изверженій изъ нѣдръ морскихъ: то были Принцевы острова. Едва взоръ успѣлъ остановиться на этихъ волнистыхъ скалахъ, какъ туманъ, окружавшій нашъ пароходъ, унесло утреннимъ вѣтеркомъ, и словно волшебная сила разомъ развернула передъ нашими глазами Золотой Рогъ съ его безчисленными кораблями, Царьградъ съ его громадными мечетями, и Босфоръ съ безконечными вилами и предмѣстіями. Единодушный кликъ восторга привѣтствовалъ возставшую отъ сна Турецкую столицу.

И это невольное движеніе, высказанное на разныхъ языкахъ Европы, было справедливо данью первопрестольному граду Константинову, поставленному на рубежѣ двухъ противоположныхъ міровъ — бездѣйствія и дѣятельности, Азіи и Европы! Не болѣе двухъ верстъ раздѣляло эти два враждебные міра, и какъ будто для примиренія двухъ

началъ, самая очаровательная, самая успокоительная картина развивалась на опасномъ рубежѣ. Влѣво, на Европейскомъ берегу, длинною чертою тянулася самый Царьградъ, на ближайшемъ краю котораго группа Семибашеннаго замка нѣсколько отдѣлялась отъ сплошнаго и пестраго строенія, а на другомъ концѣ, на Серальскомъ мысѣ, уступами поднимался отъ самого моря старый Султанскій дворецъ, какъ бы составляя независимый городъ, надъ которымъ возвышались массивныя мечети Ая-Софія и Ахмеда со многими копьеобразными минаретами. Между этими главными фигурами картины остальное пространство занято пестрыми, воздушными домиками съ роскошной зеленью, а по временамъ показываются, для большаго разнообразія, малыя мечети и другія зданія. Это соединеніе яркихъ цвѣтовъ деревянныхъ домиковъ, свѣжей зелени, бѣлыхъ мечетей, позолоченнаго дворца, лазурнаго неба и голубыхъ волнъ недостижимо самому пылкому воображенію.

Но не думайте, чтобъ этимъ картина и замыкалась: нѣтъ! еще многое остается недописаннымъ, чего съ перваго взгляда я не могъ ни понять, ни оцѣнить. Отъ Серальскаго мыса вдается влѣво заливъ — Золотой Рогъ, названіе чрезвычайно счастливое: здѣсь лѣсъ мачтъ со стороны Европейскихъ предмѣстій Перы и Галаты, лежащихъ прямо противъ Царяграда, здѣсь опять громадныя бѣлыя мечети, пестрые домики, густая зелень; но здѣсь есть еще Европейскіе дворцы, между которыми Русскій занимаетъ самое видное и первое мѣсто, такъ что, по словамъ нашихъ завистниковъ, онъ *господствуетъ надъ Царем-градомъ*.

Азіатскій берегъ давно уже манитъ къ себѣ пресыщенный взоръ путешественника: здѣсь, на отдаленномъ

горизонтѣ, рисуется уединенный маякъ, далѣе представляется мирная деревушка, утонувшая вся въ зелени, и наконецъ, черезъ негостепріимный берегъ, около котораго постоянно разбиваются опасныя волны, взоръ останавливается на самомъ обширномъ предмѣстіи Царяграда — на Скутари, гдѣ опять и мечети, и казармы, и раскрашенные дома, и цѣлая роша кипарисовъ.

Вотъ я провелъ двѣ линіи отъ Принцевыхъ острововъ: одну налѣво — Европейскую, а другую направо — Азіатскую. Два материка раздѣляетъ, противъ Царяграда, Золотого Рога и Скутари, неширокій Босфоръ, при самомъ входѣ въ который, близъ Скутари, возникаетъ изъ волнъ, какъ будто на стражу, Леандрова башня, небольшая, но красивая.

Стоя на перекресткѣ близъ этой башни, вы можете любоваться первымъ въ мірѣ видомъ: съ одной стороны, взоръ пронизываетъ седмихолмный Царьградъ вдоль по Мраморному морю отъ Серальскаго мыса до Семибашеннаго замка и отъ Серальскаго же мыса вдоль по Золотому Рогу до Эюбскаго предмѣстія; потомъ вы обозрѣваете Золотой Рогъ и Европейскія предмѣстія; отвернувшись отъ Серальскаго мыса, вы восхищаетесь Босфорскими вилами и предмѣстіями, сколько позволяютъ извилины пролива; наконецъ, обратясь на Югъ, вы видите Скутари, Азіатскій берегъ, Мраморное море, Принцевы острова и даль, вѣнчанную Олимпомъ.

Сколько красокъ, сколько разнообразія, и при этомъ столько воды и зелени!

Чудный, незабвенный видъ, единственный во вселенной! Что Царьградъ красивѣйшій въ мірѣ городъ, въ

этомъ можетъ удостовѣрить васъ извѣстный Русскій Живописецъ Айвазовскій. судья въ этомъ дѣлѣ безъапелляціонный, посѣтившій Константинополь послѣ Лиссабона и отдавшій полное первенство Оттоманской столицѣ, по сочетанію въ одной картинѣ затѣйливыхъ Восточныхъ зданій, восхитительнаго воздуха и безподобной зелени стѣлканической почвой на прибавку. Много говорятъ о красотахъ Рио-Жанейро; но въ этомъ случаѣ я могу опереться на сужденіе одного довольно знатнаго Бразильца, который въ мое время пріѣзжалъ въ Константинополь, и который, не смотря на весь свой патріотизмъ, не устоялъ противъ прелестей Стамбула, и отдалъ преимущество Оттоманской столицѣ передъ столицей своей родины. Наконецъ вспомните слова Шатобріана: «on n' exagère point quand on dit que Constantinople offre le plus beau point de l'univers».

Но если вы, прельстившись такою славою Константинополя, когда-нибудь рѣшитесь посѣтить его, то не сходите на берегъ, чтобы не утратить очарованіе, а остановитесь на пароходѣ, и когда взоръ вашъ насытится Цареградской панорамой, уѣзжайте на родину.

Не такова была моя участь: я долженъ былъ перебраться на берегъ, поселиться въ Перѣ, странствовать по грязнымъ и мрачнымъ улицамъ Стамбула, среди грубаго и нечистоплотнаго народонаселенія и смердящихъ голодныхъ псовъ, затыкая уши отъ выразительной Турецкой брани, зажимая носъ отъ нестерпимаго зловонія харчевенъ, закрывая глаза отъ безобразной аляповатости пестрыхъ домовъ, столь красивыхъ издали. Впрочемъ, я нѣсколько подбавилъ черной краски въ описаніи внутренняго Константинополя, можетъ быть потому, что слишкомъ былъ оболещенъ наружнымъ. Притомъ же бывали и восхити-

тельные образы, передъ моими глазами: на-примѣръ, въ лѣтній вечеръ, послѣ знойнаго, удушливаго дня, какъ отрадно было выйти на террасу многоэтажнаго дома въ Перѣ, впитать усладительную прохладу очищающаго воздуха и разсматривать каждый разъ съ новымъ восторгомъ золотистую сыпь заходящаго солнца на зелени, домикахъ и храмахъ Азіатскаго берега, или разбирать очерки густыхъ тѣней Стамбульскихъ зданій, или наконецъ прислушиваться къ напѣву муэззинновъ, съ высоты минаретовъ привѣтствующихъ заходящее солнце вечернею молитвою.

Въ прежнее время посѣщеніе дворцевъ Султанскихъ и главныхъ мечетей, особенно Ая-Софін, было очень трудно для не-Мусульмаина, но мало-по-малу паденіе Турецкаго фанатизма и настойчивость Европейскихъ путешественниковъ потрясли запретительную Турецкую систему до того, что въ послѣднее время Порты выдавала, по требованію любого Посольства, только не Греческаго, за известную плату, фирманы на осмотръ пустыхъ дворцевъ и главныхъ мечетей, за исключеніемъ, разумѣется, Эюбской. Такимъ образомъ, трудностей никакихъ не было; но представлялось лишь одно препятствіе — значительные расходы: кромѣ платы за фирманъ, бахшиша (подарка) провожатымъ, необходимо было производить денежные раздачи въ каждомъ посѣщенномъ зданіи, такъ что осмотръ Стамбульскихъ достопримѣчательностей цѣнился почти въ полтора-два цѣлковыхъ. Основываясь на такихъ соображеніяхъ, Перотскіе зоицы даже утверждали, что Высокая Порта изобрѣла новый источникъ доходовъ. Какъ бы то ни было, но занлатить такую огромную сумму я былъ не въ состояніи, а осматривать дворцы и мечети даромъ,

принимуть къ свѣтъ какого-нибудь богатаго Лорда, какъ дѣлають многіе несостоятельные путешественники, не позволяло мнѣ мое Русское имя.

И такъ я ожидалъ благодатнаго покровъ отъ своего Отечества.

Въ концѣ Мая 1845 года, когда уже наступило время возвращенія моего на родину, получено было радостное извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Царьградъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Сынъ Русскаго Царя, соименикъ Великаго Константина, въ стѣнахъ древней Византіи — какое многознаменательное событіе, какое счастье для тѣхъ, которые удостоивались лицезрѣть Высокаго Путешественника въ землѣ искони Православной, но потомъ враждебной Христіанству! Турецкіе Греки основывали много упованій на этомъ странствованіи Августѣйшаго Русскаго Князя; важные Османлы стали еще молчаливѣе, а если и говорили, то одно — что Великій Князь пріѣхалъ просить у Султана помощи противъ Шамиля; завистливые Французы начали громогласно припоминать всѣ обстоятельства пребыванія Принца Жуанвильскаго въ Константинополѣ, о храбрыхъ дѣйствіяхъ его на пожарѣ, случившемся тогда въ Перѣ, и о прочемъ.

Дорогое извѣстіе подтвердилось, ожиданія исполнились: 6 Іюня, въ 8 часовъ утра, Его Императорское Высочество изволилъ прибыть на пароходѣ «Бессарабія» прямо въ Буюкдере, одно изъ Константинопольскихъ предмѣстій на Босфорѣ, гдѣ находится лѣтній домъ Русскаго Посланника.

Пароходъ «Бессарабія», принесшій на своихъ крылахъ Августѣйшаго Гостя, принадлежалъ къ числу пароходовъ-

фрегатовъ, назначенныхъ содержать сообщеніе между Одессою и Константинополемъ: «Бессарабія» — въ 260 силъ, Командиръ — Истоминъ. Свиту Его Императорскаго Высочества составляли: Вице-Адмиралъ Литке, Капитанъ Лутковскій, Наставникъ Grimmъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ знатныхъ Русскихъ фамилій.

Его Императорское Высочество, на парадномъ каикѣ нашего Посольства, въ сопровожденіи Посланника, изволилъ тотчасъ же съѣхать на берегъ, гдѣ ожидали Великаго Князя Члены Русскаго Посольства, Рифать-Паша, Турецкій Бригадный Генералъ, и Мустафа-бей, Командиръ линейнаго корабля, назначенные, по волѣ Султана, состоять при Особѣ Августѣйшаго Путешественника, во все время пребыванія Его въ Царѣградѣ. Буюкдерская набережная была покрыта Христіанскимъ народонаселеніемъ окрестностей. Утромъ Его Императорское Высочество изволилъ ознакомиться съ лѣтнимъ домомъ Посольства и его обширнымъ садомъ, а послѣ обѣда посѣтилъ гору Исполина, Генуэзскій замокъ и памятникъ Русской славы въ Царѣградѣ — Хункяръ-скелеси (пристань Султана), гдѣ стояли лагерь Русскія войска, приходившія на помощь Турціи противъ мятежнаго вассала Мегеметь-Али, и гдѣ воздвигнута каменная скала въ память Русскимъ воинамъ.

7 Іюня, въ 10 часовъ утра, прибыли, для поздравленія Его Императорскаго Высочества съ пріѣздомъ, зять Султана, Капуданъ-Паша Халиль, Великій Адмиралъ Турецкаго флота, бывшій Турецкимъ Посломъ въ С. Петербургѣ въ 1830 году, и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Шекибъ-Эфенди. Послѣ сего Великій Князь изволилъ

отправиться, на томъ же пароходѣ, для общаго обзора по всему Босфору и Мраморному морю до Семибашеннаго замка, откуда пароходъ поворотилъ къ Азіатскому берегу и остановился близъ Фенеръ-багчеси. Его Высочество, сойдя здѣсь на берегъ, изволилъ отправиться изъ долины Хайдеръ-Паши, гдѣ были приготовлены верховыя лошади, на гору Булгурму, откуда открывается панорама Царяграда и его окрестностей. Восхищенный представившеюся картиною, Его Высочество изволилъ снимать собственноручно видъ Константинополя съ этой горы, послѣ чего удостоилъ посѣтить кіоскъ «Хакимъ-баши» (Генераль-Доктора), построенный на скатѣ Булгурму, и обозрѣвалъ Азіатскій городъ Скутари.

8 Іюня, въ Пятницу (Мусульманскій праздничный день), Его Высочество изволилъ посѣтить Азіатскія «Прѣсныя воды», гдѣ въ это время было значительное стеченіе Мусульманъ, обозрѣлъ Султанскій дворецъ «Чираганъ» и кавалерійскія казармы въ Кулели.

9 Іюня, Султанъ Абдуль-Меджидъ (рабъ Славнаго) принималъ Высокаго Гостя въ дворцѣ Бейлербейскомъ: этому посѣщенію предшествовалъ предварительный разговоръ между Русскимъ Посольствомъ и Церемоніймейстеромъ Султанскимъ. Надобно знать, что, по заведенному издревле уставу, всякій пріѣзжій посѣтитель, представляющійся Султану, сначала угощается въ переднемъ залѣ обѣдомъ, а потомъ уже вводится въ присутствіе Оттоманскаго Государя: въ этомъ обычаѣ видна старинная гордая политика Османской Державы, величающей своимъ гостепріимствомъ. На сей разъ Турецкое Правительство рѣшилось измѣнить древній обычай, во уваженіе того, что Тур-

ція теперь стала *образованнѣе* Государствомъ, которому неприлично придерживаться отсталыхъ предразсудковъ. При вступленіи Его Императорскаго Высочества въ залу, юный Султанъ всталъ съ дивана, подошелъ на встрѣчу своему еще болѣе юному Гостю и пригласилъ Великаго Князя сѣсть на кресло, стоявшее предъ повелителемъ Осману. Послѣ привѣтствія и изъявленія желанія, чтобъ Его Императорское Высочество продлилъ на нѣкоторое время пребываніе свое въ Константинополѣ, Султанъ обратилъ вниманіе Августѣйшаго Путешественника на двѣ фарфоровыя вазы, украшавшія Султанскій покой, съ изображеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы. При семъ посѣщеніи были представлены Султану всѣ Члены Русскаго Посольства. По окончаніи визита, Великій Князь изволилъ обозрѣвать садъ въ Бейлербейскомъ дворцѣ.

10 Іюня останется навсегда глубоко-памятнымъ днемъ въ моей жизни: въ это Воскресенье, по распоряженію нашего Посланника, я имѣлъ неоцѣненное счастье представляться, вмѣстѣ съ другими Русскими подданными, Его Императорскому Высочеству, по окончаніи Божественной литургіи. Съ очаровательною благосклонностью Великій Князь обращалъ милостивое слово къ каждому, изъ представлявшихся. Вскорѣ послѣ сего Его Высочество изволилъ отправиться со свитою для обозрѣнія водопроводовъ въ Бѣлградъ и Пиргосъ; въ эту прогулку Священникъ Греческой церкви въ Бакче-кѣй, умиленный видомъ Русскаго Царевича, лобызалъ стопы Августѣйшаго Путешественника, умоляя Его посѣтить убогій храмъ, а Православное народонаселеніе этихъ мѣстъ, увеличенное Буюк-дерскими и Цареградскими Греками, сопровождало Вели-

каго Князя и въ Пиргосъ, гдѣ былъ приготовленъ полевой обѣдъ. Въ этомъ селеніи, близъ котораго находится массивный водопроводъ Іустиніана, Его Императорское Высочество изволилъ поощрять праздничныя увеселенія Греческихъ обывателей, которые плясали свой народный танецъ «ромейку». — Въ 9 часовъ вечера Его Императорское Высочество изволилъ прибыть въ Перу, во дворецъ Русскаго Носольства, при многочисленномъ стеченіи народонаселенія Перы, живописно освѣщенной въ сумракѣ факелами и впервые удостоившейся узрѣть въ своихъ стѣнахъ Благословенную отрасль Державнаго Дома Романовыхъ.

Такъ какъ я не имѣлъ счастья состоять въ эти дни въ свитѣ Его Высочества, то могу лишь предложить удивительныя впечатлѣнія мои объ очаровательныхъ берегахъ Босфора, еще до прибытія Августѣйшаго Путешественника.

Босфоръ!... Чье образованное сердце не билось сильнѣе при этихъ немногихъ звукахъ? въ чьемъ воображеніи не возникали очарованія Природы и Искусства? въ чьей памяти не рисовались классическіе образы древности и позднѣйшихъ временъ? И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь можно лишь восклицать:

Красота, красота, красота!

Босфоръ (переходъ быка), не смотря на двадцать шесть верстъ своего протяженія, мало извилистъ, и только въ двухъ мѣстахъ дѣлаетъ крутые повороты: оба берега его состоятъ изъ цѣпи довольно высокихъ холмовъ, перерѣзываемыхъ по временамъ небольшими живописными оврагами или улыбающимися долинами; вершина холмовъ большею частію обнажена; но по скатамъ, а особенно внизу и въ до-